

I. Под чужим именем

Через Норвегию - в Англию

Без помех он проехал через Финляндию, Швецию и прибыл в Христианию¹, раскинувшуюся на берегу живописного Ослофиорда, несомненно, сотворенного ледниками. О беглеце сообщили во все портовые города, и названа была его главная примета - пышная русая борода. То обстоятельство, что Кропоткин ее сбрил, пожалуй, и позволило ему остаться неузнанным.

1 Так в 1624-1924 гг. назывался г. Осло, столица Норвегии.

Пять лет минуло с того времени, когда он прошел по финским болотам пешком вдоль строившейся железной дороги в поисках следов оледенения и нашел их. Фундаментальный труд, содержащий теорию последнего оледенения Земли, над которым он продолжал работать в Петропавловской крепости, был завершен. Друзья рассказали ему, что Александр вместе с Иваном Поляковым отредактировал рукопись и подготовил ее к печати. Когда состоялся побег, ее уже начали набирать в типографии Стасюлевича.

Совместимо ли его теперешнее положение с научной работой? Время покажет. Пока же он думает не о продолжении занятий наукой, а о том, как быстрее возвратиться в Россию, где ему, конечно же, придется жить в подполье, и уж вряд ли будет возможность появиться в Географическом обществе...

Несколько дней, проведенных в Христиании, были посвящены знакомству с жизнью норвежской столицы. Тогда самостоятельной, независимой Норвегии еще не существовало. Была уния со Швецией: общий король, общее правительство, но был свой парламент (стортинг). Положение Христиании по отношению к Стокгольму чем-то напомнило Кропоткину Иркутск, некоторая самостоятельность которого сохранялась, благодаря значительной его удаленности от столичного Петербурга. В Норвегии важную роль играло еще и то, что норвежские крестьяне не знали крепостного права. Они боролись за свои права с полным сознанием своего достоинства, не испытав унижения рабством. Их интересы отстаивала в стортинге особая крестьянская партия, издававшая свою газету. Не то что в России, где, например, «чайковцы» жестоко поплатились за одну лишь попытку объяснить людям физического труда элементарные их права.

На пароход Кропоткин сел в старинном порту Бергене, одном из городов средневекового торгового ганзейского союза. Там же простился с Марком Натансоном, который сопровождал его. С ним многое обсудили, пересекая Финляндию. Умелый, волевой организатор, он проведет потом лет пятнадцать в ссылке и станет одним из основателей

партии социалистов-революционеров (эсеров), «наследницы» народников и народолюбцев.

А на палубе парохода, куда Кропоткину удалось пробраться незамеченным, он разговаривал с одним профессором их Христиании. Говорили по-норвежски. Подобно Паганелю Жюль Верна, выучившему португальский вместо испанского, Петр Алексеевич думал, что изучает шведский язык, готовясь на петербургских дачах к поездке. Оказалось - норвежский, и кстати... Норвежец дал Кропоткину газету с отчетом о только что возвратившейся из Северной Атлантики экспедиции профессора Мона, исследовавшей глубоководную часть океана. Сразу возникла мысль предложить английское изложение статьи известному английскому научно-популярному журналу «Nature», с которым Кропоткин предполагал наладить сотрудничество.

Еще в 1871 году в этом журнале была напечатана его небольшая статья о полярных сияниях на Байкале, подписанная английскими буквами «P. K.» Он надеялся, что по этой заметке его вспомнят, и он сможет продолжить работу, подписываясь другими инициалами. А. Л. Ведь теперь у него был паспорт «чайковца» Александра Левашова, того самого, что сыграл роль кучера при его побеге. Теперь, как и Кравчинский, Левашов, уехал на помощь повстанцам Сербии, поднявшимся против турецкого угнетения.

Итак, один, с чужим паспортом, гладко выбритый, в цилиндре, вышел Кропоткин на берег в Гулле. Опасаясь, что и в этот порт проникли царские ищейки, он сразу же выехал в Эдинбург, шотландскую столицу, где снял небольшую комнату на окраине города. Первую, написанную по-английски заметку о путешествиях русского географа Н. М. Пржевальского* в Центральной Азии Кропоткин послал сразу в газету «Times» и в журнале «Nature».

Спасительный журнал «Nature»

В «Times» она появилась немедленно, журнал тоже принял заметку к публикации. Кропоткин решил, что сможет таким путем что-то зарабатывать, но для этого лучше поселиться в Лондоне, поближе к редакциям. Несмотря на риск быть опознанным, он переехал в английскую столицу и пришел в редакцию «Nature». Секретарю редакции Джону Скотт-Келти он представился русским географом Левашовым. Тот принял бывшего сотрудника Русского географического общества очень тепло и предложил работу: просматривать все получаемые редакцией журналы и на выбор реферировать статьи по географии. Кропоткину был выделен стол, на который складывалась поступающая периодика.

Левашов- Кропоткин приступил к работе. Первая заметка - о норвежской экспедиции, измерявшей глубины в Северной Атлантике, за ней последовали краткие отчеты об экспедициях русских географов и обсуждения их результатов.

Поначалу были немалые трудности с языком, и каждую заметку приходилось переписывать по три, а то и по четыре раза. Еженедельно, если выполнялась «норма», платили небольшой гонорар, вполне достаточный, чтобы существовать на него. Но если заметок в номере не было, то не было и гонорара. Кропоткин тогда «довольствовался чаем и хлебом».

Однажды Скотт Келти предложил Левашову для рецензии две книги «некоего русского географа» П. А. Кропоткина, первая - «Общий очерк географии Восточной Сибири», изданная в прошлом году, вторая - «Исследования о ледниковом периоде» только что вышедшая в Петербурге. Петру Алексеевичу пришлось признаться, что он и есть автор этих книг. Скотт-Келти читал в газетах о побеге князя Кропоткина и был очень рад, что новый автор журнала оказался столь известным человеком. И не только как узник русского царизма, но и как ученый. «Вам не обязательно хвалить или ругать эти книги, расскажите просто, о чем они», - посоветовал Скотт Келти, проявляя участие. С тех пор они стали друзьями. Впоследствии Келти был избран секретарем Королевского географического общества, и его именем был назван один из островов Земли Франца-Иосифа, открытой австро-венгерской экспедицией Ю. Пайера и К. Вайпрехта, но за год до этого «предвиденной» Н. Шиллингом и П. Кропоткиным.

Заметки Кропоткина продолжали публиковаться регулярно и в журнале, и в газете. Сначала они подписывались буквами «А. Л.», потом шли без подписи, а затем все чаще стали появляться инициалы Р. К. Так подписаны статьи «Русский исследователь в Азии прошлым летом» (о Н. М. Пржевальском), «Первый съезд русских натуралистов», «Плавание адмирала С. О. Макарова», рецензия на книгу Х. Вуда «Берега Аральского моря» и другие.

Давний его знакомый Адольф Эрик Норденшельд совершил плавание на судне «Proven» в устье Енисея и готовился к переходу северо-восточным морским путем в Тихий океан - вдоль северных берегов Сибири. Кропоткин отправил Норденшельду письмо, в котором просил прислать материалы плавания к устью Енисея: «Поскольку я пишу для английских научных журналов, то был бы очень рад получить сообщения шведской прессы о Вашем последнем путешествии... чтобы тотчас рассказать о них английской публике, - не говоря уже о моем давнем интересе к Вашим смелым путешествиям...»

Позже, когда Норденшельд прошел на шхуне «Вега» Северный морской путь за две навигации и выпустил книгу об этой экспедиции, Кропоткин поместил в «Nature» пространную рецензию на нее. Он отметил историческое значение плавания «Веги», и рассказал о научных результатах ледового похода и о самом организаторе экспедиции. Норденшельд фактически выполнил план, задуманный Кропоткиным, и, больше того, повторил традицию кропоткинских экспедиций: не только прошел неизведанным путем, но на этом пути сделал немало открытий.

Той первой осенью в Лондоне состоялась встреча Кропоткина с человеком, о котором, пожалуй, чаще всего говорили в кружке «чайковцев», - с Петром Лавровым. На улицах Лондона продавалась издававшаяся им газета «Вперед!», и первое, что Кропоткин прочитал в ней, был некролог, посвященный Михаилу Бакунину, написанный Лавровым. Кропоткину некролог не понравился, но газету все же стал читать регулярно. И вот однажды в рубрике «почтовый ящик» он увидел мелким шрифтом напечатанное приглашение господину К. зайти в редакцию для получения письма из России. Вероятность того, что это относится к нему, была очень велика, и Кропоткин отправился по адресу, указанному в газете.

Дверь открыла женщина, у которой он спросил, можно ли видеть господина Лаврова. Себя же Кропоткин не назвал, но дама почему-то его сразу узнала, приняв, как потом

выяснилось, за брата Александра, которого все в редакции хорошо знали и любили. Безбородый Петр оказался особенно похож на него. Недоразумение устранил вышедший навстречу с дружескими объятиями никогда не видевший его Лавров.

Конечно, он стал предлагать сотрудничать в газете, где уже активно работал только что вырвавшийся из сибирской ссылки и проходивший по «каракозовскому» и «нечаевскому» делам Варлаам Черкезов. Ему помог бежать из России тот же доктор Веймар. Черкезов вел в газете Лаврова отдел внутреннего обозрения «За две недели». Кропоткину, однако, хотелось быть ближе к бакунистам, к практической революционной работе. Он написал письмо своему старому швейцарскому другу, Джеймсу Гильому. Получив ответ с приглашением приехать, Кропоткин в начале 1877 года отправляется в Швейцарию.

В центре Европы

Поселившись в городе Шо-де-Фон, Петр Алексеевич вступил в одну из артелей часовщиков, решив освоить эту профессию настолько, чтобы иметь возможность зарабатывать ею. Кое-каких успехов в этом деле достиг и отремонтировал несколько часов. В частности, он оказал такую услугу Георгию Плеханову, который впоследствии шутил, что у него, марксиста, часы отремонтированы анархистом Кропоткиным (с точки зрения Плеханова, врагом порядка и точности), а идут тем не менее - безошибочно.

Позиция Юрской федерации во взглядах на государство с самого начала отличалась от установок Генерального совета Интернационала, руководимого Карлом Марксом. Социал-демократы считали необходимым использовать государственную машину для строительства социалистического общества, допуская ее отмирание лишь в далеком будущем. По мнению анархистов Юры, революция должна сразу покончить с государством, остающимся, по их мнению, эксплуататором народа при любых условиях.

В 1872 году на Гаагском конгрессе Интернационала, когда еще жив был Бакунин, вся Юрская федерация большинством голосов была исключена из Международного товарищества рабочих, после чего оно практически перестало существовать. Остался лишь Генеральный совет, переехавший в Нью-Йорк. Юрская федерация, так же, как Испанская, Итальянская и Бельгийская, находившиеся под влиянием Бакунина, продолжали действовать уже без него: великий анархист умер в Берне 1 июля 1876 года, в 62 года. В этот день Кропоткин находился еще в тюремном госпитале, и до его побега оставалось чуть меньше месяца.

Федерация Юры издавала бюллетень, редактировавшийся Джеймсом Гильомом. Этот школьный учитель, соратник Бакунина, стал близким другом Кропоткина еще в первый его приезд в Швейцарию, в 1872 году. Теперь он познакомился с французским географом и анархистом по убеждению Жан-Жаком Элизе Реклю*, участником разгромленной Парижской Коммуны, с другими бывшими коммунарами - учителем Густавом Лефрансе, автором книги о Коммуне Бенуа Малоном; с друзьями Бакунина - итальянцами Карло Кафиеро и Энрике Малаеста.

И еще с одним, родственным по духу человеком, удалось встретиться в Швейцарии - с Львом Ильичем Мечниковым*, только что приехавшим из Японии, где он прожил два года, читая лекции в университете.

Как Реклю и Кропоткин, Мечников был географом и убежденным анархистом. Все трое стремились объединить анархизм с наукой, но если первые двое видели путь через развитие человеческих отношений, то Мечников считал, что первична географическая среда, которая и определяет социальную жизнь людей.

Еще в 1873 году Кропоткин опубликовал в петербургском сборнике «Знание» рецензию на появившийся на русском языке двухтомник Э. Реклю «Земля». Теперь он подружился с этим человеком. Как и Кропоткин, Э. Реклю несколько лет провел в трудной экспедиции: он исследовал природу в джунглях Амазонки. Как и Кропоткин, он стал анархистом, познав, что в природе господствует закон взаимосвязей и зависимостей, а в живом мире - взаимопомощь и солидарность.

Пройдет 32 года, и в журнале Королевского Географического общества в Лондоне появится некролог Э. Реклю, написанный Кропоткиным. Три десятилетия дружбы и сотрудничества двух единомышленников - знаменательный факт в истории науки.

Довольно много в Швейцарии находилось и русских эмигрантов. Члены разгромленной в 1863 году подпольной организации «Земля и Воля» - Николай Серно-Соловьевич и Николай Утин - активно сотрудничали в Интернационале, оказавшись в оппозиции к Бакунину. После того, как Серно-Соловьевич покончил жизнь самоубийством, ведущая роль в деятельности русской эмигрантской колонии перешла к Николаю Утину, с которым Кропоткин встречался еще в 1872 году. Сын миллионера-откупщика, получивший университетское образование в Петербурге, он примкнул к социалистам и отдал много энергии русской секции Интернационала, которая находилась в Женеве. Утин переписывался с Марксом, встречался с ним. Секция была утверждена Генеральным советом, но просуществовала недолго. Постепенно Утин отошел от революционных дел, а затем, написав прошение на имя шефа жандармов Н. В. Мезенцова, получил разрешение вернуться в Россию, где работал до конца жизни инженером на одном из заводов Урала.

Позже в русскую эмиграцию влились участники по существу новой революционной организации «Земля и Воля», возродившейся в 1876 году. В нее вошли и избежавшие ареста «чайковцы». Через три года из-за серьезных разногласий организация раскололась на две: более умеренный «Черный передел» и «Народную Волю», которая ставила своей целью немедленное свержение самодержавия, захват власти и передачу ее в руки народа.

Друзья Кропоткина Дмитрий Клеменц, Лев Тихомиров, Николай Морозов, Софья Перовская, Сергей Кравчинский стали активными деятелями «Народной воли». Работая нелегально в России, они периодически приезжали по делам организации в Швейцарию. Но из всех русских «своим» юрцы считали только Кропоткина.

18 марта 1877 года, в день шестилетней годовщины Парижской Коммуны он принял участие в демонстрации в Берне. Юрцы вышли на улицы с красными знаменами. Несмотря на то, что

городские власти запретили проведение демонстрации с флагами, столкновения с полицией избежать не удалось. Двое демонстрантов получили сабельные ранения, тяжело были ранены двое полицейских. И лишь одно знамя из многих удалось донести до места проведения митинга, который все же состоялся. Среди участников демонстрации вместе с Кропоткиным были Дмитрий Клеменц и Георгий Плеханов.

После той демонстрации правительство запретило вынос на улицы красных знамен по всей его территории. Юрская федерация не подчинилась и провела шествие, подобное бернскому, в городке Сент-Имье в день открытия очередного конгресса анархистов. Ожидая нападения полиции, демонстранты вооружились, но на сей раз власти не решились вмешиваться, и столкновения не было.

Больше Кропоткин никогда не участвовал в подобных акциях, выступая все-таки за то, чтобы ход революции был как можно более мирным. В своей борьбе он употреблял лишь одно оружие - слово, устное или печатное.

К этому времени Кропоткин понял, что ему придется и, возможно, долгие годы жить и работать за границей, вести жизнь политического эмигранта. Из писем, которые он получал от друзей из России, ему было ясно, что возвращение на родину сейчас невозможно: только что прошел процесс по делу о революционной пропаганде, ставший известным как «процесс 193-х». Это один из наиболее грандиозных политических процессов за всю историю России. По нему было привлечено около двух тысяч человек. Число обвиняемых сначала сократилось до 900, потом до 193-х. Следствие продолжалось два с половиной года. За это время несколько человек скончалось в тюрьмах. Среди них мог оказаться и Кропоткин, если бы не удался его побег.

Главным документом обвинения на процессе была как раз записка Кропоткина, начинавшаяся словами: «Должны ли мы заниматься рассмотрением идеала будущего строя?», и исписанная его рукой тетрадка, озаглавленная «Пугачевщина». Эта рукопись была напечатана «чайковцами» в женевской типографии как книжка для народа.

Протоколы заседаний Особого присутствия Правительствующего Сената под председательством сенатора Петерса, продолжавшихся более трех месяцев (с 18 октября 1877 года по 23 января 1878 года), публиковались в русских газетах, хотя и с большими сокращениями. Еще короче они воспроизводились в английской прессе. Имя Кропоткина промелькнуло в них два-три раза, в том числе во фразе из обвинительного заключения: «Кропоткин во время производства следствия бежал из-под стражи».

И хотя девяносто человек суд оправдал, восемьдесят и них все-таки были отправлены в административную ссылку. Суд даже ходатайствовал о монаршем смягчении приговора, но Александр II его утвердил без изменений. Борьба самодержавия с революционерами обострилась. Кропоткин, оставшись в Европе, оказался в стороне от этой борьбы: «Меня скоро захватила волна анархического движения, которая как раз к тому времени шла на прибыль в Западной Европе. Я чувствовал, что могу быть более полезен здесь, чем в России, помогая определиться новому движению... Работая для Западной Европы, я и для России сделал, может быть, больше, чем если бы я оставался в России»¹ Но, примкнув к

западноевропейскому революционному движению, Кропоткин занимал в нем свое особое место, оставаясь в этом движении русским представителем. И не только потому, что все, происходившее в России, его живо интересовало, на все он немедленно реагировал и выступал в качестве квалифицированного комментатора для европейцев.

1 Записки, С. 245.

Николай Бердяев писал в журнале «Русская мысль» в 1917 году: «Русские революционеры, русские социалисты и анархисты, как бы фанатически они ни исповедовали западные учения, всегда были по природе своей восточниками, а не западниками». Для русских народников экономика всегда была на втором месте, а на первом - вопросы нравственные, этические. Думая о социалистическом обществе, они никак не могли отрешиться от представления о русской крестьянской общине как о «ячейке» социализма. Западноевропейское рабочее движение возглавили социал-демократы, видевшие организацию послереволюционного общества обязательно на государственных основах, что вносило в рабочее движение элементы авторитарности, иерархии и централизма. Примат экономических условий жизни людей отодвигал этику на второй план.

Анархические взгляды Кропоткина развивались уже на протяжении десяти лет, если принять во внимание его признание, что еще в Сибири он был подготовлен к тому, чтобы сделаться анархистом. Он только укрепил свои позиции, когда примкнул к народничеству, в котором антигосударственная и этическая анархическая тенденция была очень сильной. Однако ни у кого из народников она не получила такого развития, как у Кропоткина.

Анархизм - философия природы

Элементы этого, одного из древнейших общественно-политических течений усматриваются еще у предтечи христианского мировоззрения Платона и у философов-киников Древней Греции. Наиболее известен из них Диоген, сказавший из своей бочки Александру Македонскому, пытавшемуся и его «осчастливить»: «Отойди, не засти мне солнца». Наивысшим благом для человека киники провозглашали духовную свободу и неподчинение власти. Элементы анархизма присутствуют и в философии Зенона и стоиков, утверждавших за 300 лет до н. э., что цель человека - жить согласно природе; в философии Руссо, разоблачавшего безнравственность государственной власти. Первым попытался изложить анархизм как учение в конце XVIII века английский писатель Уильям Годвин. Затем крупнейшим теоретиком безвластия стал Пьер Жозеф Прудон, ему принадлежат знаменитые формулы: «Собственность - это кража» и «Свобода есть анархия». Безусловно отрицавший государство, он отстаивал право на мелкую частную собственность и полагал возможным осуществить социальную революцию мирным путем. Маркс охарактеризовал Прудона в специально ему посвященной работе «Нищета философии» как идеолога мелкой буржуазии.

Михаил Бакунин - следующая великая фигура. Он был политический деятель, философ, социолог, публицист и организатор. В 60-х годах одна за другой выходили его книги, в которых его антигосударственная доктрина противопоставлена всем другим

социалистическим учениям, в том числе и марксизму. Разрушение государства он считал главной целью, а в революционном движении не признавал централизма. На этой почве произошел его бескомпромиссный разрыв с Марксом и Генеральным советом Интернационала. Не ограничившись объединением своих сторонников в «Альянсе», он участвовал в организации авантюрных, по сути, бунтов в Лионе и Болонье, окончившихся поражением, а потом, привлеченный бешеной энергией Нечаева, на первых порах поддержал его с идеей вымышленной им заговорщицкой организации «Народная расправа». Довольно скоро Бакунин разочаровался в Нечаеве и между ними произошел разрыв. К концу жизни Бакунин пришел к мысли о чрезвычайной важности нравственных критериев в деятельности революционера и задумал написать свою «Этику». Но жизнь оборвалась на 62-м году, и он не успел выполнить намеченное. Тем не менее важно, что «апостол анархии» выделил значение этической стороны анархизма. И именно с этого момента Бакунина продолжил Кропоткин, основываясь на своих естественнонаучных знаниях.

Следует отметить, что близкие взгляды на роль естествознания в развитии социальных наук высказывал в 60-х годах прошлого века в своих статьях Афанасий Шапов, несомненно оказавший влияние на Кропоткина.

Считая естествознание стержнем «всех наук социальных», Шапов был убежденным антигосударственником, как и публицисты-народники Василий Берви-Флеровский, Дмитрий Писарев, Николай Шелгунов, в работах которых тоже можно обнаружить мысль о сближении наук естественных с социальными. Их идеи, наряду с бакунинскими, входили в тот идейный багаж, с которым Петр Кропоткин приехал в Швейцарию, чтобы включиться в деятельность анархического крыла Интернационала. И еще надо сказать о том, что хорошо знакомый с русской историей Кропоткин видел истоки русской анархической традиции в демократии средневековых городов Новгорода и Пскова, в идее Земского Собора и главное, - в крестьянской общине, исчезнувшей в Западной Европе, но еще сохранившейся в России. Сподвижники и близкие друзья Бакунина приняли Петра Кропоткина в свой круг. Так же, как в свое время Бакунина, стали его звать просто по имени - Петр. Ему это нравилось больше, чем чопорное английское «Prince Kropotkin». Швейцарские бакунинцы быстро поняли, что их русский друг пришел к анархизму своим путем, дополнив бакунизм чем-то глубоко своеобразным. Тогда он пришел к выводу, что «...анархизм - нечто бо"льшее, чем простой способ действия или чем идеал свободного общества...»

И эта мысль - «кропоткинский мотив» в анархизме, берущий свой исток от знания и понимания природы...

Вот каким рисует Петра Алексеевича встречавшийся с ним в Швейцарии в конце 70-х годов известный народоволец Лев Дейч: «...Он был чрезвычайно подвижен, говорил быстро и плавно и с первого раза производил благоприятное впечатление своей простотой, очевидной искренностью и добротой... Кропоткин был всегда завален работой: писал для разных ученых органов, переводил для наших ежемесячных журналов с иностранных языков, которых знал множество. По всесторонности развития он, несомненно, стоял значительно выше всех тогдашних последователей Бакунина, не исключая и Реклю... Решительно все, как русские, так и иностранцы, относились к нему с большим уважением и симпатией и... высоко ценили его серьезное отношение к общественным вопросам, а также

необыкновенную его трудоспособность, знание...»

В революционной среде многие знали Кропоткина, и не только в Швейцарии. Он съездил на полтора месяца в Испанию, где анархическое движение становилось наиболее массовым. В Мадриде и Барселоне встретился с десятками людей, установил много контактов от имени юрцев. Испанцы надолго запомнили приезд Кропоткина.

Псевдоним раскрылся

Осенью 1877 года состоялся конгресс Интернационала в бельгийском городе Вервье. Сразу вслед за ним - Международный социалистический конгресс. Он проходил в Генте, другом городе Бельгии, где Кропоткин побывал еще в 1872 году, возвращаясь из Швейцарии в Россию. Он принял участие в обоих собраниях под именем Левашова.

В Генте разгорелась борьба федералистов Юры против стремления социал-демократического крыла, которое возглавлял на конгрессе Вильгельм Либкнехт, объединить рабочие организации вокруг одного центра. Хотя юрцев было всего девять человек, им удалось помешать принятию проекта централизованного управления рабочим движением в значительной степени благодаря Кропоткину, избранному секретарем конгресса. Здесь впервые на международном уровне проявились блестящие способности Кропоткина как оратора, сумевшего логикой и страстностью своих выступлений убедить многих в целесообразности сохранения самостоятельности Юрской федерации.

Еще не завершился конгресс, а Петру Алексеевичу пришлось срочно покинуть Гент по настоятельному требованию товарищей-социалистов. Дело в том, что бельгийская полиция каким-то образом узнала, что под именем Левашова скрывается беглый государственный преступник князь Кропоткин. Правда, арестовать его хотели лишь за нарушение правил регистрации в гостинице, но стоит попасть в руки полиции, как наверняка всплывет и прежнее дело: Россия потребует выдачи. В этот день друзья даже не пустили его с митинга в гостиницу. Окружив тесной толпой, рабочие привели Кропоткина на квартиру одного социал-демократа, у которого предстояло переночевать - он принял русского анархиста побратски. А утром поезд уже вез его в Англию, которая, таким образом, вторично спасала его.

Пребывание в Лондоне нужно было использовать. И Кропоткин целые дни проводит в библиотеке Британского музея, изучая имевшиеся там материалы по Великой Французской революции, которой необычайно заинтересовался, желая понять, как начинается революция, проверить свою догадку, что именно достижения естественных наук подтолкнули к бурному развитию революционного процесса и что анархическая тенденция играла во французской революции, как и во всякой другой, важную роль. Эта работа продлится потом и займет не один год. А сейчас он не может долго сидеть на месте, над книгами и рукописями, душа рвется к живому делу.

Петр Алексеевич едет в Париж, где после разгрома Коммуны началось постепенное пробуждение социальной активности рабочих. Ему казалось, что он возвращается в славные времена кружка «чайковцев». И вместе с бакунистами Жюлем Гедом и Андреа Коста,

которые впоследствии перейдут в стан марксистов, он пытается организовать первые социалистические группы. Сначала это были беседы где-нибудь в кафе, куда собиралось по пять-шесть рабочих. Затем те шли к своим товарищам, и через несколько дней на митинг приходило несколько десятков, а то и около сотни человек. Не так уж много, но ведь это самое начало...

В марте 1878 года на первые «поминки Коммуны» собралось не более двухсот человек. А через два года, когда в Париж вернулись освобожденные по амнистии коммунары, все население города вышло на улицы их восторженно приветствовать.

Из всех встреч той весной Кропоткину особенно запомнился визит к Ивану Сергеевичу Тургеневу, уже давно жившему во Франции. Тургенев сказал П. Л. Лаврову, что хотел бы отпраздновать по русскому обычаю удачный побег князя-революционера из царской тюрьмы. Кропоткин пришел к любимому с юности писателю и был принят с исключительным радушием. Переступить порог квартиры Тургенева было для Кропоткина величайшим счастьем. Он восторгался стилем, художественной стройностью тургеневских произведений, которые сравнивал с музыкой Бетховена.

Но - больше всего в творчестве Тургенева Кропоткин ценил необычайную привлекательность женских образов. Вот его признание: «Повесть Тургенева «Накануне» определила с ранних лет мое отношение к женщине, и, если мне выпало редкое счастье найти жену по сердцу и прожить с ней вместе счастливо... этим я обязан Тургеневу».

У Тургенева обсуждались новости из России. «Процесс 193-х» - важнейшая из них. Всеобщее восхищение вызвала речь на суде Ипполита Мышкина, многократно прерывавшаяся председательствующим. Она, кстати, вобрала в себя многое из написанной Кропоткиным программы для кружка «чайковцев». Тургенев расспрашивал о Мышкине: «я хотел бы знать все, касающееся его. Вот человек - ни малейшего следа гамлетовщины...»

Тургенев предчувствовал появление в русской жизни совершенно нового типа интеллигента-революционера и, по-видимому, присматривался к своим собеседникам - к Лаврову и Кропоткину. Однажды он предложил им пойти вместе в мастерскую скульптора Марка Антокольского и особенно рекомендовал посмотреть только что завершенную работу «Христос перед народом». Скульптура Кропоткина потрясла: необыкновенная грусть в лице в сочетании с огромной внутренней силой во всей фигуре Христа. Он казался похожим на связанного веревками здорового, крепкого крестьянина.

Антокольский не сразу понял, зачем Тургенев попросил принести лестницу. А тот считал, что революционеру нужно видеть творение гениального скульптора именно сверху. И действительно, с высоты Кропоткин понял всю умственную мощь этого Христа, его глубокое презрение к глупости вопившей толпы, его ненависть к палачам». Он очень многое понял для себя, взглянув на работу Антокольского так, как советовал Тургенев.

Той же весной, когда Кропоткин уехал из Парижа снова в Швейцарию, он встретился со своей будущей женой. Это была студентка-биолог Женевского университета Софья Ананьева-Рабинович, приехавшая учиться из далекого сибирского города Томска, где

прошли ее детство и юность. Хотя родилась она в Киеве, но отец ее был сослан в Сибирь. В 17 лет Софья ушла из дома и отправилась в Швейцарию учиться - так поступали в то время десятки девушек России, не имевших возможность получить университетское образование на родине. И вот однажды ей предложили помочь одному русскому эмигранту в переводе с испанского. Этим русским оказался Кропоткин. Своему другу Полю Робену Кропоткин сообщил: «Я встретился в Женеве с одной русской женщиной, молодой, тихой, доброй, с одним из тех удивительных характеров, которые после суровой молодости становятся еще лучше...» Они встретились весной, а 8 октября 1878 года поженились.

С этого времени и до конца его жизни рядом с Петром Алексеевичем всегда будет находиться Софья Григорьевна, его жена. Их брак был заключен в соответствии с принципами нигилистов: он мог быть расторгнут или продлен по желанию любой из сторон через каждые три года. Так они договорились. Ему было 36 лет, ей 22. И трехлетний срок был ими повторен четырнадцать раз - прожили они вместе 43 года, хотя с первых же лет этот союз подвергался тяжелым испытаниям. Рядом с ними всегда были друзья - дружили семьями. На протяжении десятилетий сохранялись исключительно теплые отношения с Сергеем Кравчинским и его женой Фанни, с семьями Варлаама Черкезова, Николая Чайковского, Марии Гольдсмит, Джеймса Гильома, Леонида Шишко...

Русско-швейцарский «Бунтовщик»

В 1878 году Кропоткин начинает выступать с лекциями на французском в маленьких городах, расположенных вокруг Женевского озера, организует небольшие группы пропаганды, в чем-то подобные кружку «чайковцев», успешно распространяя свои идеи среди рабочих и ремесленников. Его беседы всегда вызывали интерес.

А из России поступали новые известия. 24 января 1878 года Вера Засулич выстрелила в петербургского градоначальника Трепова, распорядившегося наказать розгами одного из заключенных. Верная принципам нигилистов, она не сопротивлялась аресту, а на суде заявила: «Я... не могла найти другого способа обратить внимание на это происшествие... Страшно поднять руку на человека, но я находила, что должна это сделать». Рана была не смертельной. Мотивы поступка судом присяжных были признаны обоснованными, и суд оправдал Засулич. Это было невероятно. Правда, новый арест угрожал ей сразу же, как только она вышла из зала суда, но друзья укрыли девушку и вывезли в Швейцарию, где Кропоткин с ней встречался и однажды даже провел в горы, чтобы показать альпийские ледники.

После выстрела Веры Засулич политические покушения следовали в России один за другим. Правительство отвечало репрессиями. По приговору военного суда в Одессе был казнен И. Ковальский, оказавший вооруженное сопротивление жандармам. Его участь разделили Валериан Осинский и Дмитрий Лизогуб. За ними последовали десятки других жертв и новые покушения революционеров. 4 августа 1878 года Сергей Кравчинский заколол кинжалом на улице среди бела дня шефа жандармов Н. В. Мезенцева. Спасти его помог все тот же призовой рысак Варвар, умчавший на свободу Петра Кропоткина. А в феврале следующего года газеты сообщили, что жертвой преступного покушения стал харьковский генерал-

губернатор князь Дмитрий Кропоткин, двоюродный брат Петра. Это был не такой уж плохой человек, но, не подвергая устройство мира сомнению, всего лишь шел тем путем, который открывал перед ним его княжеский титул. Он был близок к императору и пытался как-то облегчить участь своих кузенов Петра и Александра, за что попал в немилость при дворе. Управлявший губернией восемь лет, он, конечно, не мог не знать о порядках в тюрьме Харькова, и революционеры решили, что генерал-губернатор должен ответить за них жизнью.

1 марта 1879 года был убит агент полиции Рейнштейн, 13 марта подвергся нападению новый шеф жандармов, а 2 апреля Александр Соловьев стрелял в Александра II. Покушение опять не удалось, но Соловьев был арестован и повешен.

Волна терроризма прокатилась и по Западной Европе. Были совершены покушения «на трех монархов»: на германского императора и королей Испании и Италии. Ответственность за покушения правительственные круги трех стран попытались возложить на Юрскую федерацию, как на наиболее радикальное крыло Интернационала. Царское правительство в свою очередь искало связи террористов с эмигрантами.

Однако юрские федералисты террором никогда не занимались. Резко отрицательно к нему относился и Кропоткин, видевший в терроре рецидив нечаевского подхода к революционному делу.

Тем не менее испытывая сильное давление извне, швейцарские власти решили закрыть газету, издаваемую юрцами. Федерация осталась без печатного органа. И Кропоткин, будучи в Швейцарии иностранцем, решается приступить к изданию в Женеве газеты на французском языке. У него два помощника и первоначальный капитал из двадцати трех франков. Название газете дали «Бунтовщик». 22 февраля 1879 года вышел первый номер. Успех превзошел ожидания: сразу стало расходиться до двух тысяч экземпляров, в то время как прежняя газета имела тираж не больше шестисот. А вскоре, обратившись к читателям за помощью, редакция смогла собрать средства и на собственную типографию, которая открылась в Женеве.

Газетой заинтересовался Элизе Реклю и стал в ней активно сотрудничать. А когда Кропоткина арестовали, возглавил редакцию. И более того: собрал кропоткинские статьи, публиковавшиеся в «Бунтовщике», и издал их отдельной книгой, назвав ее «Речи бунтовщика».

На начальном этапе газетной работы для Кропоткина очень важна была дружеская поддержка Реклю, а также жены Софьи Григорьевны, с которой он весной 1880 года поселился в Кларане: «Здесь при содействии моей жены, с которой я обсуждал всегда всякое событие и всякую проектируемую статью и которая была строгим критиком моих произведений, я написал лучшие мои статьи для «Re“volte»... В сущности, я выработал здесь основу всего того, что в последствии написал» 1.

1 Записки, С.

Там жил и Реклю. Он пригласил Кропоткина помочь ему в работе над томом его «Всеобщее (универсальной) географии», посвященном Азиатской России. И действительно, данные о рельефе, климате, растительности можно было почерпнуть у русского друга, так хорошо знавшего Сибирь и Дальний Восток. Работали они так: Кропоткин писал на «своем французском», а Реклю редактировал материал, чтобы он не отличался по стилю от всего издания. Практически на каждой странице этого тома можно встретить примечание: «По данным П. Кропоткина».

Передовая первого номера «Бунтовщика», написанная Кропоткиным, начиналась решительно и грозно: «Старый мир быстрыми шагами приближается к всемирной революции, т. е. к такому сотрясению, которое, вспыхнувши в одной стране, быстро распространится, как в 1848 году, на все соседние страны и, разрушая самые основы теперешнего строя, даст новый источник жизни одряхлевшему миру».

И дальше из номера в номер развивалась мысль о неизбежности смены буржуазного государственного строя социалистическим, но только обязательно - безгосударственным. Вслед за Прудоном и Бакуниным, Кропоткин не признавал за государственной формой управления никакой положительной роли в эволюции человеческого общества. Напротив, подавляя инициативу народных масс, государственная власть всегда тормозила эволюцию, даже в тех случаях, когда пыталась сверху «наладить» реформы: Петр Алексеевич хорошо помнил, как обманулся он с реформаторским «либерализмом» Александра II.

Передовицы «Бунтовщика» обличали правящие круги европейских государств, которые время от времени вроде бы сами идут на уступки, но тут же возвращаются назад, опасаясь подъема народных масс. И тогда-то вновь нарастает усиление власти во всех областях и дальнейшая ее концентрация, преследуется всякое свободомыслие. А дело все в том, убеждал своих читателей Кропоткин, что государство - то есть политическое устройство, при котором все дела общества вершит меньшинство, образующее кучку «власть придержащих», - отживает свой век. И человечество ищет новых форм политической жизни. Не повиновением, а свободным договором должны быть сплочены люди в обществе.

Государство! Сколько гневных слов посвятил ему Кропоткин: «Государство вмешивается во все проявления нашей жизни. От колыбели до могилы оно держит и давит нас в своих руках... Оно преследует нас на каждом шагу, и мы встречаем его на каждом перекрестке... Нужно, чтобы какие-нибудь величественные события внезапно прервали нить истории, выбросили человечество из колеи, в которой оно завязло». Эти «величественные события» - революция. Она преобразует хозяйственный строй, основанный на обмане и хищничестве, оживит умственную и нравственную жизнь общества, вселит в среду мелких и жалких страстей животворное дуновение высоких идеалов, честных порывов и высоких самопожертвований».

Кропоткин находит удивительной силы слова, бьющие прямо в цель. И растет число читателей его «Бунтовщика» в Швейцарии. Во Франции же, где газета запрещена, ее приходится посылать в закрытых конвертах по специально подобранным адресам подписчикам бесплатно, рассчитывая, что получившие будут добровольно высылать свои пожертвования. И деньги приходили.

В редакции шутили: если бы французская полиция захотела прекратить существование крамольной газеты, она должна была бы на нее подписаться, но не присылать добровольных пожертвований, и газету стало бы не на что издавать.

А она выходила регулярно, сначала раз в две недели, потом еженедельно. И в каждом номере публиковались новые социальные обобщения Пьера Кропоткина.

Например, рассматривался вопрос о том, какая может возникнуть ситуация после свершения революции. И еще тогда, в начале 80-х, Кропоткин предупреждал, что если революция приведет к созданию диктатуры, то неминуемо погибнет. Это будет означать возрождение той же самой (лишь с другим названием) системы власти, против которой и была направлена революция. Какими прекрасными намерениями ни руководствовались бы люди, возглавившие революцию, но если они установят диктатуру меньшинства над большинством и начнут подавлять народную инициативу, снова заставив людей повиноваться, они погубят революцию.

Среди множества революционеров различных направлений, которые вели революционную пропаганду и в 70-е, и в 80-е, и в 90-е годы, Кропоткин занимал совершенно особое место. Может быть, главное, что отличало его, это внимание к нравственности, и именно в связи с революцией. Когда зреет революция, происходит изменение нравственных критериев. Возникает стремление к их обновлению, очищению. И во всех классах общества, даже в каждой семье, сталкиваются старые и новые представления. Прогресс в развитии общества зависит от того, восторжествует ли новое на всех уровнях общества, во всех его классах, слоях и группах.

Эта концепция революции существенно отличалась от марксистской, объяснявшей неизбежность революционного переворота необходимостью смены способа материального производства и исходившей и абсолютной непримиримости классовых противоречий. Кропоткин же, подчеркивая приоритет человеческих интересов, считал нежизненным, схематизированным подходом сведение этих интересов лишь к экономическому переустройству. Никакая схема не может вобрать в себя все богатство и разнообразие жизни.

Взгляды Кропоткина на революцию отличались и от бакунинских. Если Бакунин видел причину революции в отчаянии обнищавших народных масс, а цель - в разрушении, то Кропоткин полагал, что только надежда на преобразование общества и ориентация на самые высокие идеалы, на созидание могут быть двигателем революции.

По существу, в кропоткинских статьях дальнейшее развитие получили идеи, высказанные в его записке 1873 года, начинавшейся вопросом: «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?». Он остался верен этим идеям. Но в русском народофильском движении произошел резкий поворот от в общем-то анархических и антинечаевских, подчеркнута нравственных принципов к все-таки в какой-то степени нечаевским. К этому времени в среде революционеров наблюдалось отчаяние, поскольку какого-либо значительного эффекта от пропаганды среди народа, и особенно среди крестьян, не было. Среди народофильцев нарастает нетерпение. Возобновился индивидуальный террор. В

России продолжалась смертоносная дуэль правительства с революционно настроенной интеллигенцией. Исполнительный комитет «Народной Воли» вынес Александру II смертный приговор и неуклонно двигался по пути к его осуществлению.

5 февраля 1880 года был устроен взрыв в Зимнем дворце столяром Степаном Халтуриным. Но Александр и на этот раз остался жив.

Погибло лишь 50 солдат Финляндского полка из дворцовой охраны. Неудачей окончилась попытка взорвать царский поезд под Москвой.

Но царь не остался «в долгу». Усиливался и правительственный террор против революционеров. Александр дал указания генерал-губернаторам - всех, кого удастся схватить, казнить незамедлительно. За два года было повешено 23 человека. Казнь гимназиста Осипа Розовского, приговоренного к виселице только за расклеивание прокламаций, описана Львом Толстым в романе «Воскресение».

Обстановка накалялась, а в тиши правительственных кабинетов шла подготовка проекта конституции, работу над которой возглавил министр внутренних дел граф М. Лорис-Меликов. Проект должен был поступать в Государственный совет, но тут Александр снова стал колебаться. Только утром 1 марта 1881 года он назначил день для слушания проекта в Совете министров. И как раз в этот день Россию и Европу потрясло известие о том, что Александр II, за которым так долго «охотились» народовольцы, был, наконец, убит. Брошенная Игнатием Гриневицким бомба смертельно ранила обоих. Члены Исполнительного комитета «Народной воли» Желябов, Перовская и другие, готовя покушение, твердо знали, что платой за него будут их жизни. Но они верили в то, что убийство царя приблизит долгожданную народную революцию, ради которой им не жаль было своих жизней.

Но смерть Александра II ничего не изменила, напротив в борьбе придворных партий победила та, которая выступала против конституции. Александр III, допуская в первый год своего правления возможность созыва Земского собора из представителей всех губерний, вскоре от этой мысли отказался, провозгласив своей целью укрепление самодержавия.

В начале апреля пятеро народовольцев были повешены.

Их подвиг и жертва, конечно, оказали сильнейшее влияние на дальнейшее развитие революционного процесса, хотя влияние это было неоднозначным.

Кропоткин откликнулся на казнь «первомартовцев» прокламацией протеста, которую сам расклеивал на улицах Женевы. 21 апреля он выступил главным оратором на митинге, после которого его допросили в полиции.

В июле 1881 года на Международном Социалистическом конгрессе в Лондоне Кропоткин высказался против увлечения революционеров «химией и пиротехникой», иначе говоря, террором с помощью взрывов. По существу, он поставил вопрос о революционной морали, отведя ей важнейшую роль в революции. Далеко не все с ним согласились.

После Конгресса Кропоткин провел месяц в поездках по Англии, побывал, в частности, в Ньюкастле, где познакомился с Джозефом Коуэном, издателем местной газеты, которому обещал присылать статьи на «русские темы». Через Париж вернулся в Кларан, где осталась жена Соня, и где его ждали не очень приятные новости.

Под прицелом «Священной дружины»

Летом 1881 года тайная организация «Священная дружина», созданная в окружении Александра III для охраны самодержавия, вынесла «мятежному князю» смертный приговор. Он узнал об этом еще в Лондоне, получив письмо от Петра Лаврова. Весть дошла по цепочке от знаменитого писателя-сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина. Заключив тайный союз, представители высшей аристократии и бюрократии - генералы, министры, великие князья, лично знавшие Кропоткина-рюриковича, - встали а защиту самодержавного государства от нигилистов-революционеров.

Логика их рассуждений была простой: Кропоткин как самая крупная фигура политической эмиграции, по-видимому, руководит из-за границы российскими народовольцами-террористами. Именно он организовал, считали великосветские «охранники», покушение на Александра II. Ему-то и надо отомстить за гибель царя-освободителя.

В Женеву послали провокатора, царского охранника Климова, который, чтобы познакомиться с Кропоткиным, наладил издание якобы революционной газеты под названием «Правда» (не его ли использовали потом большевики для своего печатного органа?). Но друзья уберегли от встречи со шпионом Петра Алексеевича, который, узнав о заговоре, принял меры: он напечатал в газете «Le Revolte», а также в «Бунтовщике» сообщение о том, что ему стали известны имена организаторов покушения, все материалы заговора против него будут опубликованы в европейских газетах, если на него совершат нападение.

«Священная дружина» отказалась от своих планов, а спустя 25 лет в России был опубликован дневник члена тайной полиции группы генерала Смельского, в котором вся эта история была раскрыта.

Тогда по договоренности между правительствами России и Швейцарии Кропоткину было объявлено о выдворении его из Швейцарии. В 1881 году пришлось покинуть Кларан: он поселился с женой в приграничном французском городке Тонон, на берегу Женевского озера.

Жаль было расставаться с Швейцарскими Альпами, которые они оба очень полюбили. Горы манили Кропоткина, напоминая о сибирских походах юности. И своих друзей, которые приезжали в Швейцарию, он всегда приглашал подняться в горы, к зеленым альпийским лугам и величественным ледникам. Так, с Иваном Поляковым они побывали на знаменитом среди географов Большом Алечском леднике, о котором вместе читали в книге Джона Тиндаля еще в далекой Сибири. Прогулки в Альпы с Дмитрием Клеменцом, Николаем Морозовым или Верой Засулич сопровождались дружескими беседами и спорами на

политические темы. Засулич и Морозов были сторонниками террористических методов борьбы, Кропоткин, хотя и признавал революционизирующее влияние героических поступков, предостерегал своих друзей от чрезмерного увлечения ими. С Н. Морозовым много говорили и о научных проблемах естествознания и, конечно, о революционной борьбе».

И все же повод для его ареста нашелся, когда в конце 1882 года произошло восстание углекопов в районе Монсо-ле-Мин, близ Лиона. В нем заметное участие приняли анархисты во главе с юристом Эмилем Готье, выступавшим с агитацией. Она упала на подготовленную почву, на многих шахтах рабочие уже принимали на собраниях резолюции о передаче шахт, оборудования и домов в руки рабочих.

Прогремели два-три динамитных взрыва. Вот и повод. Конечно, это «почерк» русских террористов и их главного предводителя Кропоткина. Это он, проезжая осенью через район угольного бассейна, совратил шахтеров своими антигосударственными речами - так писали в газетах.

Роман Эмиля Золя «Жерминаль» из жизни углекопов Лионского округа в период восстания 1882 года также сыграл свою роль в искажении восприятия Кропоткина общественностью. В качестве одного из зачинщиков он изобразил анархиста с фамилией русского звучания - Суарин. Герой Золя призывал ко всеобщему разрушению. Он жил, презирая всякие узы, связывающие людей, не зная ни привязанностей, и радостей жизни. Этим он не только не напоминал, а существенно отличался от Кропоткина, но поскольку созданный Золя герой был вроде бы русский и вроде бы анархист, стали поговаривать, что прототипом для него послужил именно Кропоткин.

Шпионы ходили вокруг дома Кропоткина, ему посылали провокационные послания, в которых говорилось о якобы отправленных партиях динамита. Петром Алексеевичем даже была собрана целая коллекция подобных писем, и на всех конвертах он надписал «Police Internationale». При обыске их у него забрали, но на суде впоследствии представлять не решились. Обыск ничего не дал полиции кроме этих, ею же состряпанных писем. Пока Кропоткина оставляли а свободе, хотя ясно было, что ареста не избежать. В лондонской «Times» даже было напечатано сообщение об уже свершившемся побеге Кропоткина из Тонона. Но он отправил в редакцию письмо с указанием своего адреса и с заявлением о том, что не думает скрываться.

Да и обстоятельства не позволяли покинуть домик в Тононе. Как и почти десять лет назад, в Петербурге, ареста можно было бы избежать. Но Кропоткин был арестован в тот момент, когда не мог думать только о себе. В его квартире умирал от чахотки брат жены. Он скончался в ночь на 21 декабря. И всего через три часа, на рассвете, в дом ввалились жандармы с ордером на арест. Он просил оставить его с женой, скованной горем, до похорон ее брата под честное слово, обещая к назначенному сроку явиться в тюрьму. Но жандармы были неумолимы. Его увезли в Лионскую тюрьму. Вскоре приехал вызванный телеграммой верный друг Элизе Реклю и друзья из Женевы. За гробом брата Софьи Кропоткиной шла половина населения Тонона, знавшего, кто поселился в этом тихом городишке и кого арестовали в ту ночь, когда умер мало кому известный молодой русский.

Во французской тюрьме Клерво

В начале января 1883 года начался полицейский суд над анархистами - членами Интернационала. Им было предъявлено обвинение в принадлежности к Международному союзу рабочих, а не в организации взрывов - тогда подсудимых пришлось бы отдать суду присяжных, который, за неимением доказательств, их, несомненно, оправдал бы. Полицейский же суд имел право вынести приговор до пяти лет тюрьмы просто за нарушение закона о запрещении деятельности Интернационала на территории Франции, изданного после разгрома Парижской Коммуны.

Обвинение не имело практически никаких серьезных оснований. В качестве главных документов на суде фигурировали два частных письма Петра Кропоткина. В одном он поддерживал павшего, было, духом француза-рабочего. Речь в письме шла о наступающих великих переменах, о знаменательной эпохе и прочем. В другом, адресованном молодому тогда башмачнику Жану Граву, ставшему потом известным публицистом, Кропоткин всего лишь объяснял правила французского правописания и пунктуации. Этому письму прокурор посвятил самую патетическую часть своей обвинительной речи, которая вызвала смех подсудимых: «Вы слышали, господа, письмо. На первый взгляд, в нем нет ничего особенного. Подсудимый дает рок грамматики рабочему... Но делает он это вовсе не для того, чтобы помочь бедному работнику в приобретении знаний, которых он, по всей вероятности, и лености не получил в школе... Нет, господа! Это письмо написано для того, чтобы... лучше напитать его ядом анархизма, с единственной целью - сделать его более страшным врагом общества...». Свою речь прокурор закончил возгласом: «Да будет проклят день, когда Кропоткин ступил на французскую землю!»

Вот это да! Что подумал бы гувернер Пулэн, учивший маленького княжича Петю языку, литературе и истории Франции?

Из пятерых, приговоренных к высшему по этой статье наказанию - к пятилетнему заключению и штрафу в две тысячи франков, - членом Интернационала был один Кропоткин. Кроме него в «почетную пятерку» вошли Эмиль Готье и Луиза Мишель.

В верховных правительственных кругах России были очень довольны: наконец князь-бунтовщик запрятан в тюрьму. И в знак благодарности республиканской Франции самодержавная Россия шлет награды прокурору и судье - ордена Святой Анны. За Кропоткина.

Суд в Лионе, как и все подобные процессы, если они проводились гласно, больше приносили пользы революционерам, чем их гонителям: подсудимые получали трибуну для широкого распространения своих идей, убежденностью и бесстрашием вызывали симпатии людей. И закономерный процесс социального развития, провозвестниками которого они были, продолжался. Остановить его арестом, нескольких человек никогда еще не удавалось.

Русской читающей публике о лионском процессе сообщили «Московские ведомости», естественно, со своей, явно неблагоприятной интонацией: «Глава интернационалки

князь Кропоткин приговорен Лионским судом к пятилетнему тюремному заключению... Но, будучи лишен возможности руководить шайкой международных разбойников, Кропоткин продолжает быть душою всех анархических шаек».

Действительно, Лионский процесс и заключение в тюрьму необычайно усилили популярность Кропоткина. Сразу же началась кампания за его освобождение. В Национальном собрании Франции около сотни депутатов проголосовали за амнистию все заключенных по Лионскому процессу. Потом это предложение поддержали в адресованной президенту республики петиции деятели науки и культуры Англии и Франции. Среди них английские писатели Бернард Шоу и Герберт Уэллс, поэт Чарлз Суинберн, философ Герберт Спенсер, французский астроном и писатель Камилл Фламарион и другие. Возглавлял список подписей прославленный Виктор Гюго, находившийся тогда в изгнании. В ней говорилось:

«Мы, нижеподписавшиеся британские граждане и другие - художники, люди науки и писатели - обращаемся к Вашему милосердию от имени князя Петра Кропоткина, приговоренного в Лионе к 5 годам заключения во французской тюрьме.

Между тем, его исследования Сибири и Финляндии рассматриваются всеми как образец научного изучения. В России Императорское географическое общество опубликовало его большой труд, в котором он представил результаты своего обследования геологической системы Финляндии. Во Франции он известен как автор важнейших глав, касающихся России в «Geographie Universale» Элизе Реклю. В Англии по постоянному сотрудничеству в последние годы в таких периодических изданиях как «Proceedings of the Royal Geographical Society», «Nature», «The Fortnightly Review», «The Nineteenth Century»; сверх того бо́льшая часть статей по российской географии в новом издании Британской энциклопедии написана им. Будучи уверены в том, что в его отсутствие большая часть этого останется незавершенной, в интересах науки, совпадающих с интересами человечества, мы умоляем Вас вмешаться и позволить ему вернуться к занятиям, которым он посвятил свои высокие дарования.

Мы подаем эту апелляцию в твердой уверенности, что вынесенный ему приговор практически означает приговор к смерти. Известно, что его здоровье, подорванное тяготами, испытанными им во время путешествий в Сибири, в дальнейшем было ослаблено длительным пребыванием в качестве политического заключенного в русской крепости... Лишение его своего воздуха и телесной свободы неизбежно приведет к обострению его нездоровья, усугублению его физических страданий и преждевременной смерти.

В надежде, что Вы благосклонно воспримите эту петицию...

Обращение к президенту повторялось ежегодно, и каждый раз число сторонников амнистии возрастало, пока освобождение наконец, не произошло через три года. Но этого времени Кропоткину было вполне достаточно, чтобы дополнить свои русские тюремные впечатления французскими.

После суда два месяца осужденные находились в Лионской тюрьме. Эта тюрьма была построена недавно, однако современная архитектура несколько не облагородила «внутреннее» содержание этого учреждения, но Кропоткина поразила мысль, что очень часто, быть может, даже в большинстве случаев с помощью тюрьмы общество наказывает невинных людей более сурово, чем преступников. Заключение привыкает к условиям, в которых он должен находиться, и постепенно их как бы не ощущает. В то же время гораздо более жестоко наказаны его жена и дети, если он был их кормильцем. И они-то наказаны явно несправедливо.

В марте 1883 года многих уников перевезли в центральную тюрьму Клерво, расположенную в бывшем монастыре Святого Бернарда, вблизи деревушки из нескольких домиков. Софья Григорьевна поселилась в этой деревне и каждый день приносила мужу обеды, поскольку, едва он попал в тюрьму, признаки старой болезни, приобретенной за два года в Петропавловской крепости, проявились снова. В сравнении с петербургскими тюрьмами условия в Клерво были весьма благоприятными. Заключение имели возможность свободно общаться друг с другом, возделывать огород под окном, заниматься любым делом, на выбор.

Главное: «с воли» писать в Клерво можно было сколько угодно и что угодно, правда, для передачи написанного за пределы тюремных стен существовала цензура: политические темы затрагивать запрещалось. И Кропоткин снова обратился к географии, к жизни животных, к ледникам. Он правил корректуру статей для Британской энциклопедии, написал статью о пластичности льда для Французского научного обозрения, для лондонского географического общества статью педагогической направленности - «Какой должна быть география?»

Ряд набросков сделан в Клерво для статей о взаимной помощи среди животных, о природных истоках человеческой нравственности.

Находясь в тюрьме, Кропоткин не чувствовал одиночества, ощущая постоянно поддержку в европейских интеллектуальных кругах. Академия наук Франции выразила солидарность с заключенным тем, что предоставила Кропоткину в пользование свою библиотеку. Книги из своей личной библиотеки присылал автор популярной тогда «Жизни Иисуса» Эрнест Ренан. На свидание с узником приезжал сам Камилл Фламарион, астроном и писатель - популяризатор науки.

Во французской тюрьме Кропоткин устроил настоящий «университет» для заключенных. Своим товарищам по камере он читал лекции по геометрии, физике, астрономии, оказывал помощь в изучении иностранных языков. Учились все, а «Пьер» был единственным «профессором».

Такая атмосфера позволила спокойно приступить к работе над книгой «В русских и французских тюрьмах». В ней он хотел показать всю бесчеловечность тюремно-каторжной системы в Российской империи, а затем, сравнив ее с системой более цивилизованной, французской, доказать, что улучшение условий содержания заключенных, безусловно, важно, но не меняет дела, поскольку никакая тюрьма, как бы она ни была «совершенна», не

исправляет. Тюрьмой общество лишь мстит преступнику за содеянное.

В годы, когда Кропоткин находился в заключении, он совсем не выступал как революционный публицист, но и тогда его прежние работы продолжали издаваться в разных странах. Правда, количество изданий, а обычно за год их было более сорока, упало вчетверо. И все же перерыва не было - в каждый из трех тюремных лет выходило до десяти его публикаций. Своеобразным аккомпанементом всего периода заключения было появление во многих странах Европы воззвания «К молодежи!» Первый раз эта брошюра была отпечатана на русском языке друзьями-эмигрантами в Женеве, как раз во время Лионского процесса. Вскоре в Варшаве появился польский перевод, потом - английский, итальянский. Пока Кропоткин сидел в Клерво, его воззвание было напечатано на разных языках восемь раз. Издание этой прокламации продолжалось и в последующие годы.

В ней говорилось: «Молодые люди, я обращаюсь сегодня исключительно к вам. Пусть... старые духом и сердцем, оставят эту книгу и не утомляют даром глаз чтением, которое им ничего не даст...

Если священный огонь, который горит в вас, лишь тлеющий уголь, то продолжайте делать то, что вы делаете... Но если сердце ваше бьется в унисон с сердцем человечества... то... в хаосе всемирной борьбы, сопровождающейся воплями побежденных и оргиями победителей, ожесточенных схваток героизма с трудностью, вдохновения с пошлостью, - разве можете вы оставаться пассивными!»

Кропоткин отчетливо видит, что молодежь разделяется на два лагеря: активных борцов и пассивных созерцателей. Что мешает молодым людям переходить из второго, пребывание в котором бесплодно, в первый, существованием которого определяется прогресс человечества?

Когда же он сам сделал этот переход? Весной 1872 года, когда Клемец привез его к чайковцам? А может быть, еще в Сибири?

Но ведь и у него были сомнения и колебания, тогда, в Никольском... И он пишет, обращаясь к молодежи о том, как важно это решение принять вовремя: «Если вы одна из тех дряблых натур, которые легко мирятся со всем и при виде самых возмутительных фактов ограничиваются пустыми словами и утешаются кружкой пива, тогда, конечно, вы быстро свыкнетесь с этими контрастами и постараетесь, чего бы ни стоило, стать поскорее в ряды привилегированных, чтоб не попасть, как-нибудь, в число угнетенных. Но если вы человек, если вы реагируете соответствующим поступком на каждое ваше чувство, если животные инстинкты не убили в вас окончательно мыслящего существа, тогда, выходя из дома нищеты и страданий, вы скажете: это несправедливо, это не должно идти так дальше! В этот день вы поймете, что такое социализм..., вы перейдете на сторону угнетенных, потому что вы узнаете, что прекрасное, великое, - словом, сама жизнь - там, где борются за истину, за свет, за справедливость!» ¹

¹ Кропоткин П. А. Сб. статей, М., 1923, С. 12-13.

Необычайная популярность выпала на долю этой небольшой книжки. Она усиливалась еще тем, что автор был политическим заключенным и шла борьба за его освобождение.

Под давлением общественности французское правительство вынуждено было объявить амнистию всем «лионцам» в январе 1886 года. Кропоткин и Луиза Мишель были освобождены в одно время.

Тяжелое испытание позади. Но по приговору суда проживание во Франции Кропоткину запрещено. И прямо из Клерво он с женой отправляется в Англию, остановившись всего на день в Париже, где Петр Алексеевич, рискуя снова быть арестованным, выступил на многолюдном митинге в рабочем квартале Ботинволь с лекцией «Анархия и ее место в социалистической эволюции». Прочитав ее с огромным успехом, он продемонстрировал, что дух его не сломлен трехлетним заключением, что убеждения его нисколько не пошатнулись, а напротив, укрепились.

П. А. Кропоткин.

Из «Записок революционера» 1

1 Записки, С. 245-262.

“ В Северном море редела буря, когда мы подходили к берегам Англии, но я с удовольствием приветствовал непогоду. Меня радовала борьба нашего парохода с яростными волнами. Целыми часами просиживал я на форштевене, обдаваемый пеной волн. После двух лет, проведенных в мрачном каземате, каждый нерв моего внутреннего «я» трепетал и наслаждался полным биением жизни.

Пароход наш зарывался носом в громадные волны, которые рассыпались белой пеной и брызгами по всей палубе. Я сидел на самом носу, на сложенных канатах, с двумя-тремя девушками-англичанками и радовался ветру, расходившимся волнам, качке, наслаждаясь возвратом к жизни после долгого кошмара и прозябания в крепости.

Я не думал пробыть за границей более, чем несколько недель или месяцев; ровно столько, сколько нужно, чтобы дать улечься суматохе, поднятой моим побегом и чтобы восстановить несколько здоровье. Я высадился в Гулле под именем Левашова, под которым уехал из России. Избегая Лондона, где шпионы русского посольства скоро выследили бы меня, я прежде всего направился в Эдинбург.

Случилось, однако, так, что я уже не возвратился в Россию... На родине меня слишком хорошо знали, чтобы я мог вести открытую пропаганду, - в

особенности среди работников и крестьян. Впоследствии, когда русское революционное движение стало заговором и превратилось в вооруженную борьбу с самодержавием, всякая мысль о народном движении роковым образом была оставлена. Мои же симпатии влекли меня все больше и больше к тому, чтобы связать свою судьбу с рабочими массами; распространять среди них идеи, способные направить их усилия ко благу всех работников вообще...

В тот раз я недолго пробыл в Англии. Мне хотелось более живой деятельности, чем журнальная и литературная работа. С первых же дней я пробовал завязать знакомство с рабочими, и я начал с ними беседы по вопросам социализма. Но тогда (1876) английские рабочие о социализме и слышать не хотели. Дальше трэд-юнионизма и кооперации они не шли.

Не знаю, что я стал бы делать в Лондоне дальше, если бы мои швейцарские друзья вскоре не нашли мне постоянной работы в Швейцарии. Я находился в оживленной переписке с моими другом Джемсом Гильомом из Юрской федерации. И как только я нашел постоянную географическую работу, которую мог делать и в Швейцарии, то сейчас же перебрался туда. Письма, полученные, наконец, из России, говорили мне, что я могу спокойно оставаться за границей, так как никакого особенного дела на родине не предвидится. Волна энтузиазма прокатилась в то время над Россией в ползу славян, восставших против векового турецкого гнета. Мои лучшие друзья - Сергей Степняк, Дмитрий Клеменц и многие другие - отправились на Балканский полуостров, чтобы присоединиться к инсургентам. Друзья писали мне: «Мы читаем корреспонденции «Daily News» о турецких зверствах в Болгарии, мы плачем при чтении и идем записываться в отряды инсургентов как добровольцы или как сестры милосердия».

...В январе 1877 года я был уже в Швейцарии, присоединился к Юрской федерации Интернационала и здесь начал свою анархическую деятельность, поселившись в Шо-де-фоне.

...Из всех известных мне швейцарских городов Шо-де-фон, быть может, наименее привлекательный. Он лежит на высоком плоскогории, совершенно лишенном растительности, и открыт для пронизывающего ветра, дующего здесь зимой. Снег здесь выпадает такой же глубокий, как в Москве, а тает и падает он снова так же часто, как в Петербурге. Но нам было важно распространить наши идеи в этом центре и придать больше жизни местной пропаганде...

Для меня началась жизнь, полная любимой деятельности. Мы устраивали многочисленные сходки, для которых сами разносили афиши по кафе и мастерским. Раз в неделю собирались наши секции, и здесь поднимались самые оживленные рассуждения... Я разъезжал очень много, навещая

другие секции, и помогал им.

...Главная наша деятельность состояла в формулировке социалистического анархизма, в теории и в практических его приложениях. И в этом направлении Юрская федерация выполнила работу, которая не умрет.

Мы замечали, что среди культурных наций зарождается новая форма общества на смену старой: общество равных между собою. Члены его не будут более вынуждены продавать свой труд и свою мысль тем, которые теперь нанимают их по своему личному усмотрению. Они смогут прилагать свои знания и способности к производству на пользу всех; и для этого они будут складываться в организации, так устроенные, чтобы сочетать наличные силы для производства наивозможно большей суммы благосостояния для всех, причем в то же время личному почину будет предоставлен полнейший простор. Это общество будет состоять из множества союзов, объединенных между собой для всех целей, требующих объединения - из промышленных федераций для всякого рода производства: земледельческого, промышленного, умственного, художественного; и из потребительских общин, которые займутся всем, касающимся, с одной стороны - устройства жилищ и санитарных улучшений, а с другой - снабжением продуктами питания, одеждой и т. п.

Возникнут также федерации общин между собою и потребительных общин с производительными союзами. И, наконец, возникнут еще более широкие союзы, покрывающие всю страну или несколько стран, члены которых будут соединяться для удовлетворения экономических, умственных, художественных и нравственных потребностей, не ограничивающихся одною только странюю. Все эти союзы и общины будут соединяться по свободному соглашению между собою. Так уже работают теперь сообща железнодорожные компании или же почтовые учреждения различных стран, не имея центрального железнодорожного или почтового департамента, хотя первые руководятся исключительно эгоистическими целями, а вторые принадлежат различным и часто враждебным государствам. Так же действуют метеорологические учреждения, горные клубы, английские спасательные станции, кружки велосипедистов, преподавателей, литераторов и так далее, соединяющиеся для всякого рода общей работы, а то, попросту, и для удовольствия. Развитию новых форм производства и всевозможных организаций будет предоставлена полная свобода; личный почин будет поощряться, а стремление к однородности и централизации будет задерживаться. Кроме того, это общество отнюдь не будет закристаллизовано в какую-нибудь неподвижную форму: оно будет, напротив, беспрерывно изменять свой вид, потому что оно будет живой, развивающийся организм. Ни в каком правительстве не будет тогда представляться надобности, так как во всех случаях, которые правительство теперь считает подлежащими своей власти, его заменит вполне свободное

соглашение и союзный договор; случаи же столкновений неизбежно уменьшатся, а те, которые будут возникать, могут разрешаться третейским судом...

...Мы, конечно, предвидели, что при полной свободе мысли и действия для каждой личности мы неизбежно встретимся с некоторым крайним преувеличением наших принципов. Я видел уже нечто подобное в русском нигилизме. Но мы решили, - и опыт доказал, что мы не ошиблись, - что сама общественная жизнь, при наличности открытой и прямой критики мнений и действий, устранил понемногу крайние преувеличения. Мы действовали, в сущности, согласно старому правилу, гласящему, что свобода - наиболее верное средство против временных неудобств, проистекающих из свободы. Действительно, в человечестве есть ядро общественных привычек, доставшееся ему по наследству от прежних времен и недостаточно еще оцененное. Не по принуждению держатся эти привычки в обществе, так как они выше и древнее всякого принуждения. Но на них основан весь прогресс человечества. И до тех пор, покуда человечество не начнет вырождаться физически и умственно, эти привычки не могут быть уничтожены ни критикой людей, отрицающих ходячую нравственность, ни временным возмущением против них. В этих воззрениях я убеждался все больше и больше по мере того, как росло мое знакомство с людьми и с жизнью.

Мы понимали в то же время, что необходимые перемены в этом направлении не могут быть вызваны одним каким-нибудь человеком, хотя бы и самым гениальным. Они явятся результатом не научного открытия и не откровения, а последствием созидательной работы самих народных масс. Народными массами - не отдельными гениями - выработаны были средневековое обычное право, деревенская община, гильдия, артель, средневековый город и основы международного права.

Многие из наших предшественников пытались нарисовать идеальную республику, основывая ее то на принципе власти, то, в редких случаях, на принципе свободы. Роберт Оуэн и Фурье дали миру свой идеал свободного органически развивающегося общества, в противоположность идеальной общественной пирамиде, внушенной Римской империей и католической церковью. Прудон продолжал работу Фурье и Оуэна, а Бакунин применил свое ясное и широкое понимание философии истории к критике современных учреждений, «создавая в то же время, как разрушал». Но все это было только подготовительной работой...

...Что касается меня самого, то я мало-помалу пришел к заключению, что анархизм - нечто большее, чем простой способ действия или чем идеал свободного общества. Он представляет собою, кроме того, философию как природы, так и общества, которая должна быть развита совершенно другим путем, чем метафизическим или диалектическим методом, применявшимся в былое время к наукам о человеке. Я видел, что анархизм должен быть

построен теми же методами, какие применяются в естественных науках; но не на скользкой почве простых аналогий, как это делает Герберт Спенсер, а на солидном фундаменте индукции, примененной к человеческим учреждениям. И я сделал все, что мог, в этом направлении.

Из переписки

П. А. Кропоткин - А. Э. Норденшельду (1876)

Невшатель, 22 ноября 1876 г.

“ Уважаемый господин доктор!

Во время пребывания в Петербурге Вы, вероятно, слышали о том, что я сижу в крепости, а затем меня судили за социалистическую агитацию в России. Но мне удалось в июле вылететь из клетки: возможно, Вы слышали, так как в шведских газетах рассказывалось об этом деле. Мне удалось приехать в Англию, где я пребыл эти три месяца...

Поскольку я пишу для английских научных газет, то был бы очень рад получить шведские сообщения о Вашем последнем путешествии, чтобы написать о нем, и я обращаюсь к Вам в надежде, что Вы сделаете доброе дело, прислав мне оттиски Ваших отчетов о путешествии. Я был бы очень рад иметь их сразу после появления в Швеции, чтобы тотчас рассказать о них английской публике, - не говоря уже о моем давнем интересе к Вашим смелым путешествиям. Когда я в тюрьме прочитал о Вашем первом путешествии, то вспомнил, что уже в то время, когда я имел удовольствие быть знакомым с Вами, Вы стремились в Сибирь, и я очень сожалею, что не смог послать Вам мой сердечный привет, когда Вы были в Петербурге. Я посылаю его Вам теперь вместе с дружеским рукопожатием.

В случае, если Вы пошлете мне свои брошюры адресуйте их «...». Это совсем близко от Лондона... Я не ставлю свое полное имя, т. к не хочу, что о моем пребывании в Англии стало известно. В Англии я уверен, что не попаду в руки русского правительства, но за мной могут шпионить и при проезде через Францию или еще где-нибудь на континенте я могу быть арестован.

С глубоким уважением, преданностью и дружеским приветом остаюсь к Вашим услугам...

П. А. Кропоткин - Полю Робэну

Лондон, 11.01.1877 г.

...В понедельник или во вторник я уезжаю или в Бельгию или в Швейцарию. С одной стороны, Гильом убеждает меня поскорее отправиться в Вервье (Бельгия), чтобы позондировать там почву для Брусса, который сначала едет в Льеж..., а с другой стороны, меня зовут в Швейцарию: один из моих друзей в России - даже двое - скоро приедут, м. б., даже на этих днях, специально для переговоров со мной и моими друзьями...

Лондон, 23. 01.1877 г.

“ ...Я еще не уехал: я еще не покончил с писанием для «Nature» и с письмами и сегодня уезжаю в Остенде...

...Целые вечера, проведенные в спорах, приносят мне пользу. Есть то чувство свободы, силы, которого не хватало в Лондоне.

Невшатель, 11.02.1877 г.

“ Я поехал... прямо в Женеву, чтобы разрешить вопросы о рабочей газете и проч. Там я захватил моего русского товарища (Дм. Клеменца), и мы вместе отправились в Невшатель через Вевэ, чтобы повидаться там с Реклю (Элизе), который меня интересует и который предложил поставить меня под покровительство Географического общества.

Шо- де-Ден, 16.02.1877 г.

“ Элизе Реклю мне очень понравился. Мы с ним много спорили, и я был приятно поражен, увидев в нем настоящего социалиста (я в этом несколько не сомневался в виду его учености)...

Женева, 29.01.1877 г.

“ «...о России больше не думаю. Движение там такое умеренное - как это ни странно, наряду с этими казнями - я чувствую (и мне все это подтверждают), что там я буду совершенно одинок. Движение конституционное. Нелегальный орган («Земля и Воля») называет себя социалистическим, но протестует только против самодержавия. Я сомневаюсь, чтобы я как-либо мог присоединиться к этому движению, и я работаю здесь».

Лондон, весна 1882 г.

“ Я много работаю, и так как мне все приходится писать по-английски, то меня это очень утомляет. К концу зимы я уже выбился из сил, но теперь

чувствую себя лучше, после того как я совершил прогулку пешком в Соррей (южная часть Лондона). Барахтаюсь, как могу... Я пишу также для Британской энциклопедии...

Когда приедешь в Харроу, то тебе стоит лишь спросить либо Кропоткина, либо католическую часовню на Charch of England Road (старое название нашей улицы). Вторая дверь от католической часовни и будет дверь нашего дома...

А. А. Кропоткин - Л. А. Шишко*

Декабрь 1890 г.

“ Родной мой, дорогой мой брат. Ура! Наконец, и ты с нами...

Анархия - не утопия на будущие времена, а одухотворяющий принцип для действий во всякое время: сегодня, так же, как и завтра. Руководствуясь ею, видишь свою дорогу и в Англии, и в Америке, и в России. Одно время думал печатать анархическую народную газету для России, да меня заарестовали, а там жизнь пошла другой дорогой. Я знаю, что анархизм в России нынче не [идет] - и молчу.

Brighton, 21 декабря 1899 г.

“ Родной мой, конечно найдется не только время, но и большая охота прочитать то, что ты написал о Сергее (С. М. Степняке-Крачинском. - В. М.). Как только получу, прочту и сообщу тебе заметки.

Живу по- прежнему, поправился настолько, что могу работать часа 3-4 в день регулярно, с условием не насиловать себя и отдыхать каждые два месяца. Прежняя рабочая сила, конечно не вернется, но, экономя силы, еще можно будет пробиться еще некоторое время...

То, что ты мне пишешь о России, ужасно меня радует. Я верю в русского крестьянина - по крайней мере тех губерний «центра», которые знаю...

Viola Bromleu Kent, суббота.

“ Родной, рукопись твою получил, но знаешь хворнул так всерьез после моей поездки во Францию. Привязалась лихорадка... На морде - на 10 дней, и не строчки: не взять, ни читать, ни писать. Надо было решительно действовать. Очень хорошо ты написал: умно, симпатично... А твои замечания о движении 70-х гг. [отличаются] краткостью... Дорогой мой, Леонид, Чарушин, Перовская, Сергей я всегда бывали в «левой крайней»,

П. А. Кропоткин

Из книги «Речи бунтовщика» (1885) 1

1 Кропоткин П. А. - Речи бунтовщика, СПб, 1906.

“ ...Казалось бы, идея социализма совсем заглохла у нас в настоящую минуту. Но не бойтесь за нее: скоро, очень скоро она опять заблестит пышным расцветом, выйдет из своего временного сна и предстанет снова - вернее, шире, могучее, чем была раньше...

Бессилие правящих классов становится все поразительнее и очевиднее... В то время, как смелые исследователи каждый день открывают человеку новые средства для борьбы с силами природы, - что делают буржуазные общественные науки? Они либо молчат, либо переживают по-прежнему свои старые изношенные теории.

В области повседневной, практической жизни - тот же застой. По-прежнему, наши правители толкуют нам об узком себялюбии, как главной основе жизни, о борьбе каждого человека против всех, и каждого народа против всех остальных, в то время как жизнь народов идет в совершенно другом направлении. По-прежнему они проповедуют единение власти, сосредоточие власти, усиление власти в руках всемогущего государства, тогда как жизнь все громче требует полной свободы личности. На все требования народа они знают один ответ: «ждите и надейтесь!» Они давно забыли все руководящие начала и - то бросаются в самое отчаянное преследование всех вольномыслящих людей, слепо подчиняясь самому безграничному своеволию верховной власти и умоляя ее поддержать расшатанные основы старого строя; то снова берутся сами «расшатывать основы», надевая на себя личину свободы и ломают старое; а через несколько лет они опять преклоняются перед верховною властью, рабски умоляя ее, чтобы она усмирила расхолодившиеся народные волны. В промышленности они бросаются сегодня - в свободную торговлю, а завтра - в самое свирепое запрещение всякой свободной торговли. От самого подлого ханжества они переходят к безбожию, и из безбожия обратно впадают в ханжество.

Вечно боясь, вечно дрожа за свое богатство, вечно оглядываясь назад и не смея взглянуть вперед, они оказываются решительно неспособными внести в народную жизнь что бы то и было прочное и полезное...

Государство - т. е. политическое устройство, при котором все дела всего общества передаются в руки немногих, - будет ли то царь и его советчики, или парламент или республиканское правительство, - такая форма политического устройства отживает свой век. Человечество уже ищет новых форм политической жизни, новых начал политической организации, более согласных с современными воззрениями на права личности и на равенство в обществе...

...Нужна независимость и полная свобода областей, городов, рабочих союзов, - сплоченных между собою не государственною властью, не правительством, требующим от них повиновения, а свободным договором, возникающим из взаимных обязательств, принятых на себя добровольно...

Каждый день создаются новые канцелярии, новые учреждения, как-нибудь подлаженные к старым, на живую нитку подправленным колесам государственной машины; и из всего этого создается такая неуклюжая, такая сложная, такая злобредная машина, что даже те, на ком лежит обязанность проводить ее в действие, возмущаются ее безобразием.

Государство создает целые армии чиновников - этих паукообразных обитателей затхлых канцелярий, которые мир знают лишь сквозь свои запыленные стекла да по грудам бессмысленных бумаг, написанных бессмысленным языком. Таким образом создается целая порода людей, знающих одного лишь бога - жалованье и награды, - живущая одною лишь заботою: как бы примазаться к какой-нибудь партии: черных или белых, синих или желтых, лишь бы эта партия давала им побольше жалованья за наименьшее количество труда.

Что получается из всего этого - известно всем и каждому. Существует ли хоть одна отрасль деятельности государства - будь ли то в Персии, или в России, или в Соединенных Штатах, которая глубоко не возмущала бы каждого, кому приходится иметь с ней дело? Есть ли хоть одна отрасль - школа, судебное устройство, военное дело и т. д., - в которой государство, после целых веков переделок, не оказалось бы вполне несостоятельным?

Громадные и вечно-растущие суммы денег, которые взыскиваются государством с народа, всегда оказываются недостаточными. Все государства, без исключения, живут на счет будущих поколений. Все они входят в долги, все они идут к разорению.

Народы подчинились государственной власти под условием, что она будет защитою всем и, в особенности, защитою слабого против сильного. Но вместо того государство стало теперь оплотом богатых против бедных, орудием имущих - всех неимущих...

Есть времена в жизни человечества, когда глубокое потрясение, громаднейший переворот, способный расшевелить общество до самой глубины его основ, становится неизбежно-необходимым во всех отношениях. А такие времена каждый честный человек начинает сознавать, что далее тянуть ту же жизнь невозможно. Нужно, чтобы какие-нибудь величественные события внезапно прервали нить истории, выбросили человечество на колеи, в которой оно завязло, и толкнули его на новые пути, - в область неизвестного, в поиски за новыми идеалами. Нужна революция - глубокая, беспощадная, - которая не только переделала бы хозяйственный строй, основанный на хищничестве и обмане, не только разрушила бы политические учреждения, построенные на владычестве тех немногих, кто успеет захватить власть путем лжи, хитрости и насилия, но также расшевелила бы всю умственную и нравственную жизнь общества, вселила бы в среду мелких и жалких страстей животворное дуновение высоких идеалов, честных порывов и великих самопожертвований. В такие времена, когда чванная посредственность заглушает всякий голос, не преклоняющийся перед ее жрецами, когда пошлая нравственность «блаженной середины» становится законом, и низость торжествует повсеместно, революция становится просто необходимостью. Честные люди всех сословий начинают сами желать бури, чтобы она своим раскаленным дуновением выжгла язвы, разъедающие общество, смела накопившуюся плесень и гнилость, унесла в своем страстном порыве все эти обломки прошлого, давящие общество, лишаящие его света и воздуха. Они желают бури, чтобы дать наконец одряхлевшему миру новое дуновение жизни, молодости и честного искания истины.

В такие времена перед обществом возникает не один вопрос о насущном хлебе, а вопрос обо всем дальнейшем развитии, вопрос о средствах выйти из застоя и гнилого болота, - вопрос жизни и смерти.

Без известной нравственной связи между людьми, без некоторых нравственных обязательств, добровольно на себя принятых и мало-помалу перешедших в привычку, никакое общество невозможно.

...Человек начинает понимать, что счастье невозможно в одиночку: что личного счастья надо искать в счастии всех - в счастии всего человечества... Простое, но несравненно более животворное чувство единства, общения, солидарности со всеми и каждым... подсказывает человеку: «Если ты хочешь счастья, то поступай с каждым человеком так, как бы ты хотел, чтобы поступали с тобою. И если ты чувствуешь в себе избыток сил любви, разума и энергии, то давай их всюду, не жалея, на счастье других: в этом ты найдешь высшее личное счастье». И эти простые слова - плод научного понимания человеческой жизни и не имеющие ничего общего с велениями религий - сразу открывают самое широкое поле для совершенствования и развития человечества.

...Но перестройка не может совершиться и не совершится, покуда в основе наших обществ будет лежать порабощение человека человеком и владычество одних над другими.

...Общество должно будет отложить из групп, свободно возникающих повсеместно для удовлетворения всех бесчисленных потребностей личностей в обществе.

Современные общества уже идут в том направлении. Повсюду свободная группировка, свободная федерация стремятся занять место пассивного подчинения.

...Будущее принадлежит свободной группировке заинтересованных лиц, а не правительственной централизации, - свободе, а не власти.

Но прежде чем говорить о той организации, которая явится результатом свободной группировки, нам предстоит разрушить много политических предрассудков, которыми мы еще заражены.

...Наше суждение о диктатуре отдельной личности, или целой партии, - в сущности между той и другой нет никакой разницы, - совершенно определено. Мы знаем, что социальная революция не может быть руководима одним лицом или совокупностью отдельных лиц. Мы знаем, что революция и правительство совершенно несовместимы между собой. Правительство, какую бы оно ни носило кличку: диктатура, монархия, парламент, - непременно должно убить революцию. Мы знаем, что вся сила нашей партии в ее основной формуле: «только свободный почин; инициатива народа может создать нечто хорошее и долговечное; всякая же власть фатально стремится к уничтожению этого свободного почина». Вот почему лучшие из нас, если бы когда-нибудь они перестали осуществлять свои идеи посредством народа, а напротив захватили бы в свои руки то могущественное орудие, которое зовется правительством и которое позволило бы им действовать по своей фантазии, стали бы через неделю величайшим злом. Мы знаем, к чему приводит всякая диктатура, даже людей с прекрасными намерениями; она влечет за собой гибель революции.

В жизни обществ наступают времена, когда революция становится необходимостью. Повсюду зарождаются новые идеи; они стремятся пробить себе дорогу, осуществиться на практике; но постоянно они сталкиваются с сопротивлением тех, кому выгодно сохранение существующего порядка; им не дают развиваться в удушливой среде старых предрассудков и преданий...

Чувствуется потребность новой жизни. Ходячая нравственность, которую руководится в ежедневной жизни большинство людей, уже перестает удовлетворять их. Люди начинают замечать, что то, что раньше казалось им справедливым, на самом деле - вопиющая несправедливость; то, что вчера

признавалось нравственным, сегодня оказывается возмутительной безнравственностью. Столкновение между новыми веяниями и старыми преданиями обнаруживается во всех классах общества, во всякой среде, даже в семейном кругу...

...Следует ли из этого, что социальная революция, должна, как об этом мечтают реформаторы-государственники, опрокинуть все ограды мелкой собственности, уничтожить сады и огороды, обработанные с любовью крестьянином, и пройти по всему этому паровым плугом для внедрения благодеяний, еще весьма гадательных, обработки земли на большую ногу?

Что касается до нас, то мы, конечно, ни в каком случае этого не сделаем. Ни в каком случае мы не прикоснемся к тому клочку земли, который крестьянин обрабатывает своими собственными руками при помощи своих домашних, не прибегая к наемному труду...

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 7 июля 2025 19:49:50

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 7 июля 2025 19:59:17